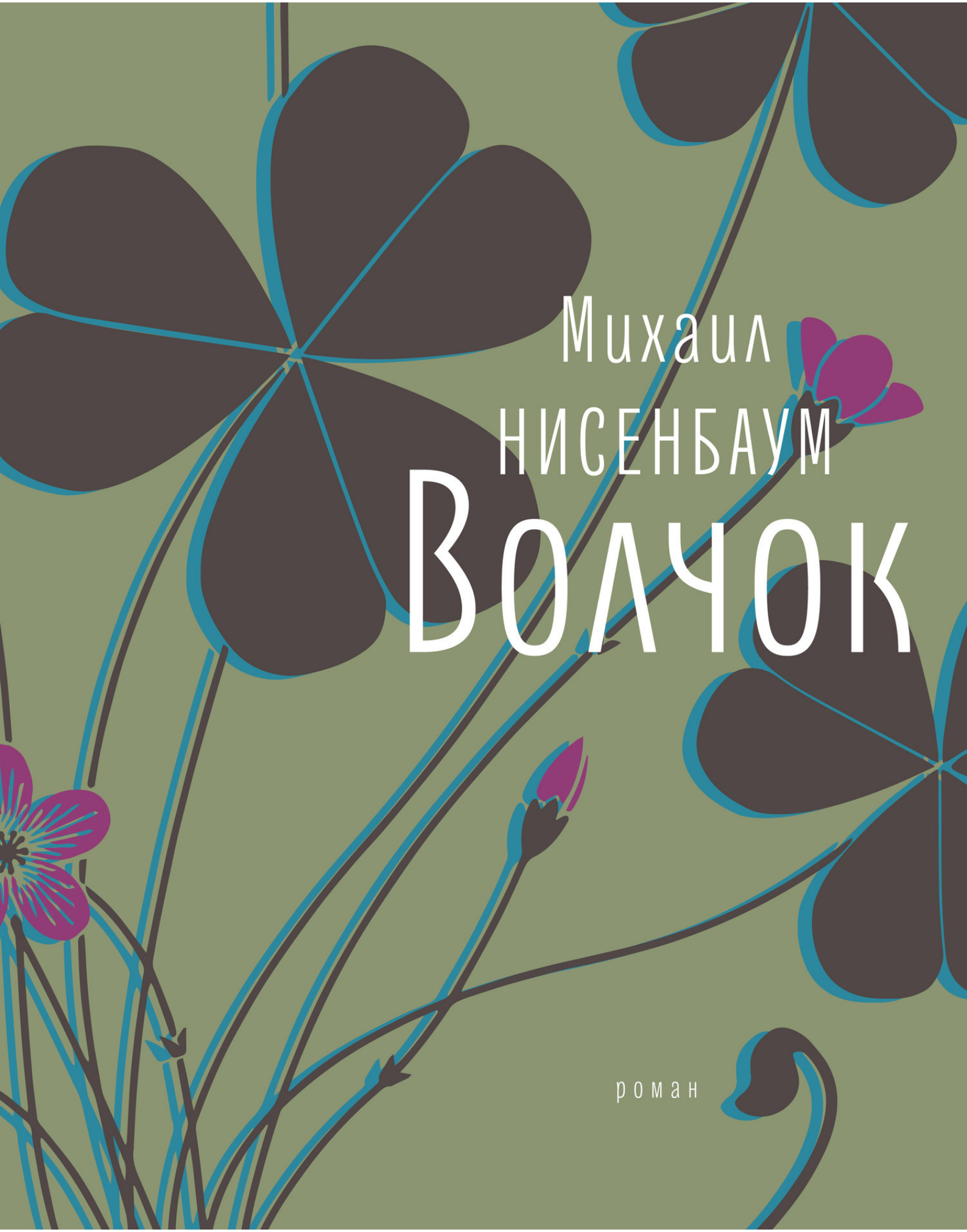

Михаил НИСЕНБАУМ

Волчок

роман

Самое время!

Михаил Нисенбаум

Волчок

«WebKniga»

2015–2017

Нисенбаум М.

Волчок / М. Нисенбаум — «WebKniga», 2015–2017 — (Самое время!)

В волшебной квартире на Маросейке готовят клей для разбитых сердец, из дачной глуши летят телеграммы, похожие на узоры короедов, в Атласских горах бродят боги, говорящие по-птичьи. «Волчок» – головоломка любви, разбегающейся по странам и снам, бестиарий характеров, коллекция интриг. Здесь все неподдельное: люди, истории, страсти. Здесь все не то, чем кажется: японский сад в подмосковных лесах, мужчина во власти влюбленной женщины, итальянское поместье Эмпатико, где деньги добывают прямо из подсознания. Кружится волчок – то пестрый из детской, то серенький из колыбельной. Это современная игра, где выигрыш, равно как проигрыш, – чудо и красота.

© Нисенбаум М., 2015–2017
© WebKniga, 2015–2017

Содержание

Мимикрия первая. Волк, его Герберт и первое свидание 6
Мимикрия вторая. Черная шуба, синее кресло 17
Мимикрия третья. Концерт в лесу 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Михаил Нисенбаум
Волчок

© М. Е. Нисенбаум, 2018
© «Время», 2018

* * *

Мимикрия первая. Волк, его Герберт и первое свидание

1

О свадьбе Варвары Ярутич, моей сумасшедшей возлюбленной, я узнал только через полгода. Это лишало меня возможности преподнести новобрачным свадебный подарок, какой-нибудь приятный пустяк вроде перчатки для соколиной охоты, бронзового купидона или прелестного треснувшего калейдоскопа, принадлежавшего некогда самому Одилону Редону, если лейденский антиквар меня бессовестно не надул.

Лиза Папаникос, не без злорадства сообщившая мне о свершившемся торжестве, не смогла вспомнить, во что была одета невеста. И хотя время почти исцелило меня от этого невыносимого романа, досадную прореху в девичьей памяти Лизы я оплакивал добрых двадцать минут. Ведь я отлично помнил Варин рассказ, как она нарядилась по случаю первого развода. Заливаясь своим фирменным старушечьим смехом, она рассказывала о черно-зеленом платье, золотом парике высотой в полметра и золотых же бальных перчатках, на которые ошарашенный муж смотрел с прощальным благоговением. Именно с таким благоговейным прискорбием я смотрю иногда на три перышка белоспинного дятла и на картину с черными кислицами, нарисованными на куске кровельного железа, – последние реликвии, оставшиеся от нашего с Варварой Ярутич незабываемого романа.

2

С Варварой Ярутич я познакомился чудом, если только уместно называть чудом событие, которое не привело к счастью. И все же чудо случилось – возможно, это куда важнее гипотетического счастья. Ведь счастьем, опасаясь гневить воображаемые высшие силы, вечно норовят назвать любую жизнь, в которой у вас есть своя квартира и вы не больны чем-нибудь ужасным. А чудо ни с чем не перепутаешь, потому что его дарят настоящие высшие силы, которым нет никакого дела ни до ваших квартир, ни до ваших санаториев.

Цвел роскошный сентябрь, город еще не понимал, что наступает осень, а может не хотел понимать, дабы не лишать себя удовольствия еще недельку зелено шуметь, купаться в солнце, слушать звонки велосипедов и наслаждаться легкой летней одеждой. Никаких плащей, ни единой куртки, бродячим псам и людям ночью так же тепло, как и днем.

Именно в такой день я праздно бродил по переулкам, сшивающим Остоженку с Пречистенкой, и единственной заботой было не ускорять шаг, идти не спеша, потому что моя цель заключалась в прогулке как таковой. Проходя по Мансуровскому переулку, я обнаружил, что угрюмые жалюзи, обычно наглухо застилающие окна антикварного салона, сегодня убраны, в витрине стоят белые напольные часы и бог Гермес, который занес чугунную окрыленную ногу словно бы с тем, чтобы как следует наподдать хрупкому фарфоровому пуделю. Мне пришло в голову заглянуть в салон из простого любопытства, да еще чтобы устроить лишнюю остановку в моем слишком коротком путешествии.

В салоне густо пахло воском, сухими цветами и какими-то восточными благовониями. За прилавком сидела приказчица, молодая женщина с губами, накрашенными помадой того же цвета, что и огнетушитель, висевший за ее спиной. Женщина внимательно оглядела меня и учтиво ответила на мое приветствие. Наверное, она тотчас поняла, что я не собираюсь ничего покупать, обычно продавцы умеют прочесть это с первого взгляда. Впрочем, приказчица не

спросила, что мне угодно и чем она может мне помочь, так что я осторожно двинулся по комнате, забаррикадированной поставцами, горками и комодами. Вещи, которые продавались в салоне, были не слишком стары и не особенно интересны – пузатые китайские вазы, кузнецовские чашки с вензелями, барометр, указывающий на «в. сушь», и с десяток фарфоровых фигурок, изображающих белых медведей, красных девиц и старичков, почесывающих фарфоровые затылки. Тут же обнаружились и вполне современные гильотинки для сигар, пластиковая поющая макрель, лаковое папье-маше и прочие предметы, которые могут приглянуться людям, положившим за правило жить в красоте и богатстве. Кое-где висели зеркала, на которых и вовсе было скучно задерживать взгляд.

Я уже собрался уходить, как вдруг в углу над птичьей клеткой обнаружил картину, совершенно не вписывающуюся в обстановку салона. Не то чтобы собранные здесь предметы были так уж идеально подобраны друг к другу. Трофейная горка когда-то украшала квартиру советского военного или чиновника, кожаное кресло могло стоять в кабинете инженера или архитектора, а статуэтки пылились в комнате профессорши. И все же предметы, собранные здесь, объединяло общее выражение демонстративной буржуазной безмятежности. Ни одна чашка не признавалась, что в мире существуют бедность, одиночество, разлад. Картина, висевшая в углу, была чужой в этом царстве спесивого комфорта. Не то чтобы от нее веяло трагедией, ничего похожего. Наоборот, в ней было в тысячу раз больше гармонии, чем во всех прочих предметах.

Это была вытянутая по горизонтали картина, по формату напоминающая вывеску. Она изображала обычную скамью, на которой лежали три сосновые, уже раскрывшиеся шишки да забытая кем-то игрушка – черная лошадка под красным седлом. Каждая деревянная чешуйка, которыми ощетинивалась шишка, была написана тонко, точно подробное павлинье перо. Нарисованные глаза деревянной лошадки смотрели кротко и загадочно. Казалось, что скамья, забытая игрушка, шишки запечатлены человеком, который видел эти вещи впервые, счел волшебными и полюбил с первого взгляда, как и я с первого взгляда влюбился в эту картину. В ней была спасительность уединения, сосредоточенность и благоговейная чистота – все то, чего в моей жизни не хватало давным-давно и в чем я отчаянно нуждался.

Как подобная вещь могла оказаться среди всех этих купеческих сервизов и птичьих клеток? Обогнув круглый обеденный стол на огромных ногах с закрученными ступнями, я подошел к приказчице, разглядывавшей какой-то журнал. Было очевидно, что большую часть дня ей приходится скучать без дела. Откашлявшись, я сообщил, что заинтересовался картиной в дальней комнате, той, где скамья и шишки. Она продается?

Едва я заговорил, женщина включила улыбку, перескочившую к ней на лицо прямо со страницы журнала. Она не сразу поняла, о чем я говорю, красиво поднялась с неантикварного стула и проследовала за мной, изящно огибая громоздкие предметы мебели. Осознав, о чем идет речь, приказчица спросила приятно-помадным голосом, может ли она предложить мне другое произведение. Так и сказала: «другое произведение». Картина не продается. Художница должна была забрать ее с выставки, которую устраивала хозяйка салона, за аренду не заплатила, так что хозяйка просто держит картину здесь до выяснения ситуации.

– Странная девица, – прибавила приказчица. – Цену не назначила и исчезла.

– Зачем же вы ее вывесили?

– Психология, – хмыкнула она. – Узнает, что картину выставили на продажу, примчится.

3

Непреодолимое желание – бомба судьбы. Если с желанием невозможно бороться, оно не часть меня, но внешняя сила, принявшая вид моего учащенного сердцебиения и жаркого нетерпения. Такого, какое охватило меня, когда я услышал, что скамью с игрушечной лошад-

кой нарисовала девушка. Если я не увижу ее, не узнаю имя, не услышу ее голос, не будет мне покоя. А ведь мог пойти по другому переулку и в другое время, мог не заметить картину, если бы в первой комнате салона оказалась какая-нибудь ст*о*ящая вещица.

Поклонившись в знак сочувствия и согласия, я сообщил, что намерен купить картину, но главное, хотел бы увидеть и другие работы этой – как, вы сказали, ее зовут? Приказчица посмотрела на меня с нескрываемым недоверием.

– У нас так не принято. Мы не сводим покупателей с коллекционерами или авторами, сами понимаете. Иначе на что будет жить магазин?

Конечно, я заплачу комиссионные, плел я, но мои средства не безграничны. Вдруг мне захочется украсить кабинет картиной в иной цветовой гамме? Женщина колебалась.

– Давайте я оставлю свой номер и немного денег в залог. Будем считать это выплатой комиссионных, причем они останутся у вас, даже если сделка не состоится.

Наконец приказчица согласилась позвонить хозяйке салона и спросить совета. Во время разговора она без конца тараторила «ага-ага-ага» и кивала головой, причем с каждым кивком выражение ее лица делалось более извиняющимся и счастливым одновременно. Картину в разговоре она называла «Шишки»:

– Кто ж знает, когда она за своими «Шишками»… Ага-ага-ага, поняла.

Когда консультация с начальством завершилась, приказчица еще несколько секунд любовно и вдумчиво смотрела на телефон, а потом сообщила, что могла бы дать нужные сведения покупателю, но ни в коем случае не случайным посетителям. «Ни в каком случае», – сказала она. Настороженная радость шевельнулась в сердце – намек хозяйки был весьма прозрачен. Совершая повторный обход салона, я невольно пытался представить, как выглядит художница, написавшая такую скамью.

А кто тебе сказал, что она не замужем? Как это кто – вот эта скамья и сказала. Тишина внутри картины была строгая, девичья. Стоило немало труда оторвать взгляд от шишек и черно-красной лошадки. Наверное, она высокая, тонкая, молчаливая. Сероглазая, с длинными темными волосами. Небось заплетает их в косы или прячет под платок – ведь распущенные волосы легко вывозить в краске. Судя по некоторым признакам, она не понимает шуток. Ну и бог с ними, с шутками, сколько можно шутить?

Как все же ее зовут?

Иронически улыбаясь, я нес к прилавку жертвенные покупки: чугунную конфетницу в форме цветка лотоса и медные песочные часы на одну минуту. Не шкаф же покупать ради телефонного номера. Приказчица не качала укоризненно головой, но сдачу отсчитывала с невысказанным упреком. Я же чувствовал, что надо вести себя солидно, но щебетал, точно канарейка, не справляясь с восторгом. Женщина поблагодарила за покупку таким голосом, каким манекен мог бы разговаривать с манекеном. Похоже, она готова была к новым уговорам, но я изобразил бровями разводной мост и сообщил о легком способе осчастливить меня, спасти русское искусство и обеспечить лояльность постоянного покупателя при помощи одного-единственного телефонного номера. Приказчица вынула из щели между кассовым аппаратом и стеной амбарную книгу, не спеша долистала до нужной страницы. Все это время мое сердце грозило выскочить прямо на прилавок.

Не помню, как вышел из лавки, что творилось вокруг, помню только имя, которое было написано на обрывке клетчатой бумаги рядом с номером телефона: Варвара Ярутич. Это имя было похоже на поразившую меня картину, более того, само оно и являлось картиной, наполненной родниковой тишиной и неотразимой прелестью.

Вдруг рядом раздался гудок теплохода, и я очнулся. Оказалось, я стою на набережной у самого парапета и смотрю на реку. Пробудил меня даже не гудок, а мгновенное осознание того, что вот так взять и позвонить художнице решительно невозможно. Незнакомый мужской голос

с непонятного номера: покажите, пожалуйста, ваши картины. Где покажите? В мастерскую она пригласит неизвестного? Ни за что на свете.

Рука вспомнила, что отягчена сумкой с антикварной конфетницей и песочными часами. Как же все вышло глупо! С проплывающего трамвайчика махали какие-то дети.

Дома я вынул покупки и долго смотрел на них. Перевернул часы. Струйка белого, как соль, тонкого песка полетела в нижнюю колбу. Еще не упала последняя песчинка, как мне открылось, что нужно делать. Напишу этой Варваре сообщение на телефонный номер. Восхищенное, интеллигентное и деловое. Правда, на телефон много не напишешь, а два-три сообщения подряд уже выглядят как свидетельство неуравновешенности. Итак, реши задачу: умести взволнованную интеллигентность в десять-пятнадцать слов. В телеграфном стиле. «Очарован шишками скамье. Мечтаю новых шишках».

Я выдумывал телеграммы для Варвары Ярутич и смеялся. «Жажду встреч вашей кисточкой. Меценат». «Покупаю масло. Арт-дилер». Хватит, пора стать серьезным. Прохихикаешь свое счастье! Сейчас, вспоминая о начале этой истории, я поражаюсь, каким глупым, каким беззаботным был тогда и мог бы оставаться до сих пор. Или не мог?

Загадал: если за три оборота песочных часов сумею написать записку, встреча случится. А если не смогу, что ж, куплю карамелек, положу в новую старинную конфетницу. Перевернув часы, я напечатал:

– Здравствуйте, Варвара. Меня поразила ваша «Скамья с шишками». Где можно посмотреть, а может быть и купить другие ваши работы?

Песок продолжал сыпаться, но было ясно, что записка безнадежно неудачна. Кто это пишет? Как представиться незнакомой девушке?

– Здравствуйте. Меня зовут Михаил Нагельберг.

Песок вытек из колбы. А что писать дальше? Бывший историк? Будущий писатель? Коллекционер конфетниц? Кому из них художница согласилась бы ответить? Перевернув часы во второй раз, я написал, что мечтаю посетить выставку Варвары Ярутич и приобрести одну-две ее работы. Готов выбрать и по фотографиям. Песок снова оказался внизу. Записка вышла рыхлая, жалостная. Я почувствовал усталость. Сдалась тебе эта художница. Вдруг это вялая личность с вечной бутылкой пива? Вдруг она мощна, как дочь рестлера и бетономешалки? Нет-нет, рука, которая выводит такие линии, тонка, иначе быть не может. Ее мир мне родной, значит, его создательница тоже.

Я перевернул часы в третий, последний раз и стал смотреть, как сеется белый порошок быстрого времени. Еще успел подумать, что в маленьких минутных часах секунды кажутся быстрее, чем если бы часы были рассчитаны на десять минут.

«Здравствуйте, Варвара. Мне дали ваш номер в салоне на Мансуровском. Всерьез заинтересован в сотрудничестве и приобретении ваших необыкновенных работ. Пожалуйста, дайте знать, где и когда можно поговорить с вами». Оставалось десять-девять-восемь-семь песочных секунд. За это время я успел написать свое имя, безо всяких регалий, званий и ученых степеней, тем более у меня их и нет.

С последней песчинкой я отправил послание сквозь толщи последнего сентябрьского тепла в густеющую синеву, в неведомые дали, в непонятный город, неразличимую квартиру к воображаемой женщине. И сразу принялся ждать ответ. Но ответ не пришел – ни тотчас, ни к ночи, ни на другой день, ни через неделю. Несколько раз я порывался отправить новое воззвание, но сразу понимал, что это бессмысленно.

Конфетница и песочные часы, вещдоки моего провала, были спрятаны в глубину шкафа. Не то чтобы я думал о художнице неотрывно, и все же то и дело отзвуки неначавшейся истории проникали из какого-то измерения, точно гудки телефонной трубки, плохо положенной в соседней комнате.

3

Вскоре сентябрьское лето закончилось, пошли дожди и, опомнившись, за одну ночь пожелтела добрая половина листьев на липах и березах. В жилтовариществе, к которому принадлежит мой дом, трое неизвестных ворвались в бухгалтерию и вынесли компьютер, в котором хранились все сведения о товарищеских платежах. Председатель жилтоварищества Сычев носился по квартирам, созывая всех на митинг. Душевное волнение председателя было так велико, что он написал стихотворное воззвание к жильцам, которым дворники заклеили сплошь двери подъездов:

Вот до чего мы дожили уже –
Громилы вторглися на наше ТСЖ.

Время текло, впадая в вечность, ни на минуту не меняя своего направления, и ряд повседневных событий понемногу унес меня в сырую середину октября, как вдруг пришло мне престранное сообщение, составленное сплошь из каких-то черточек, точек и тире:

Простите… телефон _ _не… в… моих – силах… пишите_ _ _… адрес – _ _ _

Дальше был адрес, в котором я разглядел слово «ярутка». Тире похожи на сосновые иголки, точки – на камушки. А вся записка, хоть и видна на экране телефона, кажется эхом из глубины какого-то леса или кузнечьим чириканьем из густопсовых степей. Каждое тире-иголка дыбом встало в моих волосах, каждое многоточие мурашками засеменило по холодеющей спине. Это было первое сообщение от Варвары Ярутич.

Так началась наша переписка, похожая на диалог человека то ли с птицей, то ли с травой, то ли с болотным туманом – настолько непривычны и непонятны бывали присланные ответы. Впрочем, кто сказал, что туман – именно Варвара Ярутич? Господи, как же меня трясет всякий раз, как я пишу это имя. От чего? В двух словах не передашь, для этого надо рассказать всю эту историю. В двух не передашь, а в одном запросто: от красоты.

Наша переписка… Я почти привык, что ответ может прийти в любое время – через пять дней или даже еще до того, как я отправил свое письмо. Говорить по телефону Варвара отказалась наотрез, дескать, будет не в себе, толком сказать ничего не сможет, потом будет страдать от стыда. Лучше уж так.

Каким бы безумным ни становился время от времени наш разговор, не вызывало сомнений, что моя персона Варваре интересна, причем не только благодаря возможности продать мне картину-другую. Не сразу выяснилась причина этого интереса, но когда выяснилась, я совсем потерял голову.

Откуда-то у Варвары оказался журнал, в котором был напечатан мой первый рассказ. Она не написала, что рассказ понравился, не пыталась обсудить сюжет, не задавала обычный читательский вопрос, происходили ли описанные события на самом деле. Просто после этого стала разговаривать со мной по-другому и согласилась прислать фотографию еще одной своей картины. Точек, тире и подчеркиваний не стало меньше. Но теперь она часто говорила не «я», а «мы с Гербертом». Оказалось, Герберт – любимый Варварин кот, о котором она вечно плетет всяческие небылицы. Говоря «мы с Гербертом», Варвара словно соглашалась видеть меня если не в кругу своей нежности, то где-то неподалеку. Отныне мне было дозволено кое-что узнать о ее чувствах, хотя бы о чувствах к коту.

Между прочим выяснилось, что у Варвары Ярутич случались персональные выставки – в Москве, в Петербурге, в Мадриде, в Ницце и в Будапеште, – причем в Испании и во Франции несколько работ было продано.

Семья Варвары жила где-то за городом, но ни где именно, ни кто ее семья, она не сообщала, всякий раз не замечая вопроса или отвечая уклончиво. Почему она не хотела говорить по телефону, я понял позже. От предложений встретиться она отказывалась не так решительно. Откладывала будущую встречу. Однажды, возможно, если у нее будут дела в городе… Возможно, у Варвары имеется какой-то физический изъян, которого она стесняется, но надеется когда-то победить смущение и робость. Мое нетерпение то и дело сменялось тревогой – уж больно странной была наша переписка.

4

Позвонил профессор Вадим Крэм, предложил повидаться. Мы встретились в маленьком шумном кафе на Никитском бульваре. Он жил где-то неподалеку, то ли в Скатертном, то ли на Поварской, но в гости никогда никого не звал, предпочитал ресторанчики или кондитерские поблизости. У нашего рандеву не было деловых причин. Мы давно познакомились заочно, изредка перезванивались, обменивались письмами и вот наконец надумали встретиться. У него недавно вышла книга по психоанализу, Крэм обещал подарить экземпляр. Конечно, дело не в экземпляре: меня одолевало любопытство, отчасти связанное с каким-то загадочным проектом, о котором Крэм говорил взахлеб, но главным образом – с самим Вадимом Марковичем.

В кафе было тепло, частично от беззаботного шума музыки, голосов, позвякивающего стекла и приборов. Хотя я ни разу не видел Вадима Крэма, но сразу его узнал. Во всей его фигуре, во взгляде, даже в костюме сочетались робкая профессорская деликатность и подчеркнутая солидность дельца. Не без усилий он поднялся из маленького тесноватого креслица, сделал шаг навстречу, приятно улыбнулся, но не во весь рот, а как-то неровно: левой половиной до уха, а правой почти вовсе не. При этом правая бровь поднялась гораздо выше левой.

– Очень рад, Михаил, – сказал Вадим, коротко и энергично пожимая мою руку, – вы удивительно молодо выглядите.

Фраза о моей моложавости звучала довольно двусмысленно: получалось, что выгляжу-то я неплохо, но истинный возраст не скрыть. Дескать, для своих пятидесяти я еще о-го-го. Но в добрых намерениях Вадима Марковича сомневаться не приходилось. Он отодвинул стул, приглашая сесть, предложил вина, приветливо сверкал глазами сквозь голубоватые стекла очков. Невысокого роста, немного отяжелевший, Крэм сутулился, втягивал в плечи массивную голову. Мы поговорили о литературе, о политике, об общих знакомых. Я все ждал, когда он заведет разговор про свой таинственный проект. Но его больше интересовала моя работа в издательстве, общение со знаменитостями, особенно с Кронидом Кафтановым. Он восхищался его книгами, расспрашивал, что за характер у этого человека. Мне даже показалось, что Вадим Маркович был бы рад познакомиться с Кафтановым. Но надо знать Кафтанова, чтобы понять, насколько глупо стремиться к знакомству с ним. Этого людям не объяснишь.

Между тем, сказал Крэм, у него самого тоже есть маленькое издательство, выпускающее книги по психологии. Право, он уже и не знает, что с ним делать: тиражи крошечные, продажи того меньше.

– Хотите, я подарю его вам? Вдруг у вас получится вдохнуть новую жизнь в это безнадежное предприятие…

«Как он может такое предлагать? А вдруг бы я согласился?» Я посмотрел на профессора с новой силой любопытства. Вадим ел с аппетитом, время от времени шутливо укоряя меня в том, что я со своей аскетической чашкой чая выставляю его обжорой. У него были молодой

высокий голос и одновременно нечеткая, почти старческая дикция. Впрочем, истинный возраст Крэма жил в глазах, цепких и любопытных.

Принесли десерт. Тут-то Вадим Маркович и рассказал, что купил двадцать гектаров земли в Италии, недалеко от Перуджи. До ближайшей трассы – два километра по грунтовке, до соседней деревни – около трех. Вокруг умбрийские горы, а в ясный день можно видеть Субазио, гору, где молились в скиту святой Франциск и его братья.

Умбрия. Мне тотчас вспомнилось лоскутное одеяло разноцветных полей, розоватые шапки крохотных городков, нахлобученные на вершины гор, острова на Тразименском озере. Еще тогда я пытался представить, каково это – постоянно жить в тех краях, ежедневно видеть из окна туманные подолы гор, дом с черепичной крышей на дальнем склоне, маленькие облака овец на зеленом небе луга.

– Михаил, приезжайте в гости, в любое время, на любой срок. А хотите – рядом продается земля, будем соседями. Приезжайте, мне есть что вам показать. Мне кажется, вам будет любопытно увидеть, что я делаю в поместье с пространством, какие там сооружения…

Услышав про покупку земли, я подумал, не смеется ли он надо мной. Но, кажется, Крэм говорил от души. Не то чтобы он страстно желает меня видеть у себя в Италии, но приглашает не из вежливости и не в твердом убеждении, что я все равно не приеду.

Какие эксперименты производятся с пространством, Вадим Маркович не стал уточнять, сказал, что это лучше увидеть своими глазами.

– Главное, что это полностью меняет восприятие, – произнес он и прибавил: – Если хотите приехать с женой или с подружкой, еще лучше.

– Чем же это лучше?

– Нет, на самом деле, как вам удобнее, – Вадим поспешил уточнить формулировку.

Про себя Крэм сказал, что женат, но отношения с женой давно свелись к дружбе, «что бы под ней ни понимать». Шутя я спросил, не беспокоит ли его, с кем он проведет остаток дней. Крэм небрежно ответил, что последний стакан воды его не волнует вовсе, но он часто думает о достойной литературной вдове. Выходило, что его жена-друг – всего лишь один из кандидатов на эту роль.

5

Прошло чуть не три месяца с того момента, когда в неведомые дали была заброшена первая записка для Варвары Ярутич. Уже темнело рано, и небо позднего ноября космически розовело от городских огней, освещавших низкие тучи. Телефон дернулся и пополз к краю стола. Взяв его в руку, я прочел сообщение:

_ _ _В… субботу-оказия*** у- меня… Навещаю_ _ _москву-и-Бабушку… Герберт… кланяется-не… вам_ _ _ _ альбому**** Клее.

Я понял, что мне дан шанс наконец увидеть Варвару Ярутич, а я все еще не знаю, ни как она выглядит, ни сколько ей лет. Спросить Варвару о ее возрасте или попросить прислать свою фотографию мне недоставало духу. Однако она в курсе, сколько мне лет, и видела в журнале мою фотографию. Наверное, этого достаточно, хотя что можно сказать с уверенностью о Варваре Ярутич? Между прочим, иногда она сама присылала мне фотографии цветов – клевера, золотарника, поздних роз из сада. Хотя на этих фотографиях не было ни лица, ни плеч, ни рук Варвары Ярутич, все же она там была.

6

Просыпаюсь посреди ночи, потому что снова слышу эту музыку из старого, всеми забытого фильма. Больше тридцати лет меня преследует ее напоминание о безвозвратной юности, о единственном – упущенном – шансе жизни, которую прожил не так, вполсилы, не в ту сторону. Музыка прошедшей любви, которая мучит из своей навсегда оторванной, но тут же, у изголовья живущей дали. В стекло осторожно скребется холодный дождь, – может, хоть он остудит мою горячечную, бредовую тоску?

Мне никогда не хватает сил сопротивляться этой музыке. Затянув волю в морской узел, уговаривать себя: нет, не упустил, не прошляпил, не опоздал, не глупи: ты пытался сохранить распадающийся, разъезжающийся мир – сделал это как мог и будешь делать дальше, не только оянтаривать прошлое, но и жить сейчас, любить, делать доброе, спотыкаться, вставать и идти по бездорожью. Не оглядывайся туда, слышишь? Не то сойдешь с ума и, как Орфей, останешься в ее непереносимо прекрасном аду. Скорей бы рассвело.

7

Голубой дом в три этажа, забытый между цехами бывшего завода. По краю двора проложены рельсы, уходящие в тоннель деревьев, которые давно срослись кронами. Восемь лет работаю в этом доме и каждый день собираюсь уйти навсегда.

Это прекрасная работа, о такой можно только мечтать. Здесь чисто, на подоконниках в горшках апельсины, лимоны, кумкваты. Люди разговаривают тихими голосами, словно боятся кого-нибудь разбудить. Мне нравятся эти люди, люблю за ними наблюдать, люблю их разговоры.

Отгородившись двумя огромными экранами, сидит Дмитрий, добрый молодец с гусарскими усами. Он поворачивает ко мне румяное лицо от монитора.

– Ну что, Дмитрий? Как дела ваши?

– Катастрофа! – отвечает Дмитрий с чрезвычайно довольным видом.

– Ну и что же вы так сияете?

– Привык.

Техред Нина, маленькая беспокойная женщина с добрым лицом, ходит со стопками бумаги от редактора к редактору. Каждое имя она произносит по два-три раза, точно птица:

– Лида, Лид! Валя, Валя, Валь!

Молчаливый мужчина с кудлатой бородой и маленькими живыми глазами вырезает из картона непонятные фигуры. Потом вертит, складывает, зацепляет один край за другой – и на столе появляется белая угловатая лягушка, щенок или луноход. Каждый раз, сложив новую фигуру, мужчина оглядывается по сторонам с мрачным торжеством.

На этой работе мне все по душе, особенно поездки в типографию. Люблю следить за печатником, хищно вглядывающимся в «кресты» через увеличительное стекло или намазывающим шпателем на валик блестящий мед солнечно-желтой или ленивой синей краски. Люблю слушать ногами дрожь работающих станков и следить за шелестом напечатанных листов, мягко опадающих на поддон. Люблю вес и запах свежих книг, особенно тех, которые делал сам.

Прекрасная работа, что ни говори! Просто она мала: я вмещаюсь в нее только на четверть, в лучшие дни – наполовину. А чем заняться остальным трем четвертям, учитывая, что на работе проходит б*о*льшая часть времени?

Зато в голубом доме в коридоре третьего этажа есть окно, через которое можно выйти прямо на крышу. У крыши мягкое пружинистое покрытие, в котором слегка утопают ноги. После дождя здесь долго держатся лужи, в которых лежат рябые коричневые листья с ближ-

них деревьев. По крыше ходишь, как по поверхности незнакомой планеты: крыша черна, как вулканическая лава, и даже в прохладные дни здесь жарко от выдохов десятка промышленных кондиционеров.

Велика ли польза от моей работы? Хоть бы раз в жизни получить на этот вопрос точный ответ.

9

Обменявшись десятком записок с Варварой Ярутич, мы договорились отправиться в Пушкинский на выставку офортов Рембрандта. Осень давно погрузилась в унылое ожидание снега, целыми днями было темно, точно перед рассветом. На земле, в небе и между ними черно блестела стылая вода. В такие дни отвыкаешь от красоты и уже не ждешь света. Только и думаешь, куда бы девать мокрый зонт, если, конечно, он у тебя есть.

В новом, с иголочки, здании Отдела личных коллекций было пустынно. На посту клевал носом полицейский, чья рация то и дело выкашливала и вычихивала неразборчивые проклятья. Вдруг в крутящейся двери кто-то забился, как в ловушке, кажется, даже сделал лишний круг. Полицейский поднял голову.

С удивлением я разглядывал эту молодую женщину. Серое мятое пальто было ей велико. Поверх пальто, поверх прибитой каракулевой шапки накинута была огромная пегая шаль. Казалось, незнакомка перевозит на себе весь имеющийся у нее запас зимней одежды. Чувствуя, что выглядит странно, она ускорила шаги и ринулась вглубь холла, плача на бегу.

– Позвольте я вам помогу, – предложил я, подойдя к ссутулившейся фигуре в углу.

Хотя я нарисовал тысячи мысленных портретов Варвары, женщина не была похожа ни на один из них. И все же ни малейшего сомнения в том, что это именно Варвара, не было ни секунды.

– Если бы я не опаздывала, то успела бы отбиться от маминого пальто.

Это звучало так, словно ожившее пальто гонялось за несчастной девушкой по всему дому. Когда я помогал ей избавиться от хищного пальто, выяснилось, что на Варино тело накинулись также три кофты: черная, кофейная и еще одна, приятного горохового оттенка. Не исключено, что кофт было больше. Злые слезы она промокнула шалью и тут же попыталась улыбнуться. Эта учтивая улыбка означала, что Варвара прекрасно помнит о хороших манерах. Дипломатическая улыбка маловата, неудобна, поэтому Варя ее пару раз поправляет-подтягивает.

Отчего-то сразу было понятно, что пристально разглядывать Варвару Ярутич запрещено, для нее это неловкость, а то и удар. Но не смотреть на женщину, с которой так давно мечтал встретиться и которую видишь в первый раз, немыслимо. Опять же, если совсем не смотреть, тоже выходит подозрительно: вроде, отворачиваясь, ты определяешь свою даму в уроды. К счастью, на выставке было на что посмотреть.

Варвара Ярутич выглядела совершенно не так, как я предполагал, но именно так, как должен выглядеть человек, чьи письма наполовину состоят из черточек и многоточий. Она не была хорошенькой, черты ее лица были вырезаны суровой твердой рукой: зеленые настороженные глаза, благородно-хищный нос, крепко сомкнутые губы и неожиданно маленькие, почти игрушечныеые уши. Небольшого роста, с фигурой стройной и ладной во всех отношениях. Надобно тут уточнить, что бывает стройность, которая являет хрупкость и видимую беззащитность женщины. Варварина стройность показывала силу – способность много работать, отплясывать танцы землян, рожать детей. При этом фигура не выглядела ни крестьянской, ни спортивно-коренастой.

У Варвары сыроватый цвет лица, русые гладкие волосы. Встречаясь со мной взглядом по пути в гардероб, она смотрела затравленно, зло и каждую секунду готова была снова заплакать.

Оказавшись в зале и увидев свет рембрандтовских гравюр, она успокоилась, ходила от офорта к офорту чинно, втянув голову в плечи, точно птица. Шаги ее были единственными звуками, громко раскатывавшимися по безлюдным музейным залам.

Офорты Рембрандта я видел много раз. Но то ли потому, что репродукции вечно перерисовывают оригинал, то ли благодаря присутствию Вари они стали намного подробнее и тоньше. Свет трепетал, ходил столбами, хлестал струями и дребезжал, из полумрака вырисовывались все новые, прежде невидимые герои, а те, кого видел неоднократно, оказались другими или занялись чем-то другим.

Стараясь не пугать Варвару, я держался на некотором расстоянии. В какой-то момент все же мы оказались перед одной и той же гравюрой.

– Посмотрите, Варя, здесь свет из облаков как на театральной сцене падает.

– Мать честная! – после небольшой паузы ответила Варвара, глядя на меня со злобной усмешкой.

Тут я скользнул взглядом по моей спутнице и вздрогнул от ужаса: в ее ухе рос клок черного меха. Как у сапожника-курда, который когда-то целыми днями сидел в будке возле метро Бауманская. По спине поскакали ледяные мурашки, но тут Варвара, обогнув меня, перешла к другому экспонату, и я увидел во втором маленьком ухе клок шерсти приятного горохового оттенка. Она сумасшедшая, догадался я. Господи, твоя воля! Поколебавшись несколько минут, все же спросил:

– Варя, ради бога, что у вас в ушах?

Нимало не смутясь, она включила улыбку профессиональной танцовщицы и ответила:

– Шерсть, Михаил. Защита от ветра и отита. Вот, стихами заговорила.

Тут я впервые услышал этот смех: так могла бы смеяться злая старуха, напудренная Пиковая дама. Сумасшедшая, как пить дать.

– Но почему один клок черный, а другой гороховый?

Надменно вздернув подбородок, Варвара произнесла:

– В тон одежде, разумеется. И отнюдь не гороховый, а горчичный.

Итак, девушка готовится идти на свидание, выбирает наряд, причесывается перед зеркалом, красит губы и заталкивает в уши разноцветную шерсть, так что та торчит из ушей крупными растрепанными кисточками. Зато кисточки подобраны в тон одежде.

10

Дождь падал медленнее, но стать снегом пока не решался. Варвара снова превратилась в небольшой холм одежды, уверенно шагающий рядом со мной. Впрочем, сейчас в этой переукутанности проступила некая величавость, притом не из нашего века и даже не из прошлого. Казалось, рядом со мной шествует опальная барышня-староверка, которая даже некрасивые вещи умеет носить только по-боярски.

В кафе было светло, точно в операционной, по-над полом гуляли посторонние сквозняки. Варя на все поглядывала неодобрительно. Подумав, снова накинула на плечи мамино пальто. Поглядывая на резкие черты ее бледного лица, я никак не мог решить, красива ли она. Возможно, мне нужно успокоиться. Хоть немного почувствовать ее доброту. В том смысле, что она не ненавидит меня и готова согласиться с моим существованием.

При появлении официантки Варвара мгновенно натянула улыбку светской львицы и милостиво кивала каждому моему слову. Не явно кивала, а колыхала головой, словно трава под легким ветром. Я спросил, кто ее родители. Про родителей Варя ничего не сказала, только охнула. Но сообщила, важно глядя в пространство за моим плечом, что среди больших собак главный – Федон.

– Среди больших? – удивился я, даже не знаю, чему сильнее: упоминанию собак в роли домочадцев или тому, что собака, похоже, не одна.

– Он масштабный, – гордо продолжала Варвара. – Ростом с медведя, спокойный, как старец.

– Варя, сколько у вас собак?

– Иногда Хват хочет стать вожаком. Хват могучий, может даже сильнее Федона. Но у Феди есть святость. Поэтому он главный. – Помолчав, она прибавила: – Шестнадцать.

«Сумасшедшая», – затверженно повторил мой рассудок.

– Чего шестнадцать?

– Псов, кого же еще.

Внимательно посмотрев на Варвару, я понял, что она не шутит, подождал мурашек, но те куда-то подевались. Вероятно, акклиматизировались в условиях непрекращающегося безумия.

– Вопрос был про вашу семью, Варя.

– Федон, Хват, Лиза, Рохля, Шум, Алмаз, Кручу, Полчаса, Кармен… Эмммм… Дикий, Цахал, Вальс, Бова.

Тут я спросил, не заводчики ли они.

– Чуть не забыла. Чушь, Маска, Вихор… Еще Герберт и другие коты. Семью не продают, Михаил. А вы что же, животных не любите?

Она смотрела на меня насмешливо. Ни малейших признаков помешательства в этом веселом волчьем взгляде не наблюдалось. Но кто-то из нас точно сумасшедший, подумал я и наконец ощутил спиной весь холод этого странного дня.

Мимикрия вторая. Черная шуба, синее кресло

1

Это ничем не напоминало роман, если я вообще помню, что такое романы. Скорее, это был военный набег, карательная операция, где роль оружия играли: злые глаза, крик, слезы. Когда мы познакомились, Варвара Ярутич была диким зверем, затравленным, забитым, больным. Не волком – бездомным псом. Она не могла говорить, задыхалась, ее обветренные руки дрожали, каждую секунду она готова была разрыдаться или убежать. Даже странно было слышать из ее уст фразу, произнесенную от начала до конца. Обычно она путала слова, махала рукой и умолкала, мучнисто серея лицом.

Надо расстаться, думал я. Сцены бешеной ревности, истерики, хлопанье дверями… Варвара бывала настолько безумна, что возникали опасения, не вредит ли ее душевному здоровью сам факт наших встреч.

Обычно по дороге от метро к дому мы делали по две-три остановки и на каждой разбирали вопрос, нужно ли было несчастной девушке тащиться в такую даль, чтобы встретить бесчувственное чудовище, которое не умеет оценить своего счастья.

– Что? Это таким лицом встречают любимую женщину? Любящий мужчина был бы счастлив, что к нему сама приехала такая девчонка. Приперлась за пятьдесят километров, в холодном электроне.

– Варечка, ты прекрасно…

– Не смей! Никогда не говори «Варечка»! – лоб прорезает тяжелая хмурая складка.

– А как?

– Можешь студенток звать варечками, балеток своих разулыбистых.

Лицо яростное. Теперь и я злюсь. Варино настроение меняется мгновенно:

– Маленький, ну прекрати! Слышишь? Медведик! Медвежатина! Неси меня! Немедленно! Ах, он не рад! Ну что же, сейчас повернусь и уеду к бабушке. Дура горемычная, притащилась за триста верст. Там Герберт глупит один, без меня, в избе с пауками, я здесь одна!

Уже на середине слова «горемычная» Варвара переходит в крик и плач. Прохожие оборачиваются. Она кричит еще некоторое время, слова путаются, взмывают на гребень яростного рева, падают в икоту. Я стою рядом, как мрачный истукан. Всхлипывая и вытирая слезы обветренной рукой, Варя говорит:

– Ап… Ап… Ф-ф-ф-ф-ф-ы-ы-ы. А-а-а-абнимай меня-а-а-а-а!

Обнимаю ее в той манере, в какой обычно обнимаются мрачные истуканы. Медленно, как два обозных инвалида, мы идем к дому.

Рядом с Варвариным сумасшествием я чувствую себя нетонким, неискушенным, скучным.

Я знаю, что Варя красива, но редко чувствую ее красоту. Я бесчувственный болван? Но рядом с Варей красоту окружающего мира чувствую, как никогда и ни с кем больше. Чувствительный болван? Общее в обеих формулах: я болван. Потому что только болван может не чувствовать всем телом, какой у Варвары Ярутич прекрасный нос. Филигранный, хищный, тончайших линий – произведение искусства, а не нос. Почему-то она им никогда не пользуется, а дышит ртом. У нее прекрасные глаза. Но поскольку она вечно злится, я никак не успеваю в них поглядеть с долгой нежностью.

Больше всего я люблю ее руки. Не знаю, почему у меня такое отношение к женским рукам. Тут дело не в красоте, ухоженности, не в каких-то безличных эстетических показате-

лях. Просто руки некоторых женщин – даже тонкие, с красивыми пальцами, с прелестными ноготками – сразу и навсегда чужие, и это ничем не исправить. Они чужие, и женщина при всех своих достоинствах никогда никакого отношения к тебе иметь не будет, бог с ней, с этой женщиной. А другие руки почему-то родные. Ногти у них – точно лица, которые ты когда-то видел и снова хочешь видеть. Об этих руках можно думать, помнить, им можно сочувствовать, глядеть на них подолгу. Варварины руки – руки чернорабочего. Сильные, маленькие, ловкие, в царапинах, шрамах, пятнах краски. Ногти на пальцах выпуклые, вовсе не аристократические. Когда я вижу ее руки, сердце теплеет и хочется их целовать. Варя, замечая мой взгляд, всегда прячет руки за спину.

Ее волосы: тонкие, русые, слабые, сквозь которые просвечивает кое-где кожа. Они почти совсем не растут. Варя ходит к парикмахеру раз в полтора года – «подровнять каре». Для нее стрижка – событие более будоражащее, чем день рождения. После парикмахерской она страшно возбуждена, вертится около зеркала и меня воспринимает как зеркало, пытаясь понять, не кривое ли я.

…Ее красные сапоги и пахучую шубу.

Получается, больше всего я люблю в Варе то, за что ее можно пожалеть, в чем утешить, что взывает к защите и доброте. За то, что она в себе недолюбливает и пытается скрыть.

2

Дома Варвара освобождалась от шубы и тяжелым взглядом следила, какое впечатление на меня производит ее наряд. Даже теперь, когда прошло больше года после замужества Варвары и почти два после нашего расставания, меня трясет от волнения, стоит мне вспомнить про ее шубу. Когда-то это была роскошная черная шуба, расклешенная книзу. Варвара говорила, что ей посчастливилось купить шубу, когда у нее (у Варвары, а не у шубы) случился перерыв в вегетарианстве. Потом вегетарианство вернулось, а шуба осталась. Потому что Варвара – далеко не примитивное существо.

Издалека шуба выглядела по-боярски. Но вблизи становилось заметно, что шерсть на манжетах вытерлась, а главное, от шубы исходил какой-то странный запах. Варвара ужасно злилась на меня, когда я при виде шубы улыбался. Она вообще постоянно на меня за что-нибудь злилась.

Но шуба хищным зверем вскарабкивалась на плечики, и открывалась другая Варвара – поменьше и одетая по собственной моде. За все время она ни разу не пришла в одном и том же виде. Для того чтобы уместить все ее платья, юбки, бриджи, жилеты, рубахи, тоги, блузы, понадобился бы платяной шкаф размером с Дворец съездов. Не знаю, где она все это держала. В лесу?

Одевается Варвара Ярутич удивительно. Мне никогда не случалось видеть ее в одежде модной, повседневной, хотя бы подходящей по размеру. Ни в одном журнале не найти таких моделей, ни на одном званом или незваном вечере, ни на каком балу. Вечно что-то топорщится, развевается, торчит и нависает. Притом есть в Варвариных нарядах небрежная монументальность. И еще что-то от ручейника, строящего себе дом-мешок из веточек, стеблей и каменной крошки. Такие наряды она могла бы рисовать на своих картинах. Сарафаны с грубым крупным рисунком вышивки, черная блуза в двойном оперенье кружев по краю выреза, пиджак, расшитый узором из маленьких воронов. Стоило Варе снять шубу, начиналось ее царство. Убедившись, что я поражен, она успокаивалась, смотрела с величавой снисходительностью, как смотрят на туземца, с усилием выговаривающего слова на правильном, но ломаном языке.

Дома Варвару ждал букет гиацинтов, горечавок или горшочек с фиалками. Я всегда оставлял цветы дома, потому что на улице было уже холодно, не хотелось лишний раз мучить нежные создания. Хотя, возможно, возьми я цветы с собой, мы бы меньше ссорились по дороге.

Потом Варвара сидела в маленькой комнате и на обломках картона рисовала те самые цветы, и это были лучшие часы нашего свидания. Лицо ее смягчалось, затравленный недоверчивый взгляд сменялся хищным любованием. Лучшие часы свидания – время, которое Варя проводила с моими цветами, не со мной. Но именно тогда в моем мире учреждалась хоть какая-то гармония.

3

В коридоре второго этажа навстречу мне идет Олег Борисович, самое главное, самое таинственное лицо в издательстве. Он держится, как человек, б*о*льшую часть жизни бывший невидимым и теперь с трудом приспосабливающийся к тому, что любому заметны его рост, прическа, выражение лица. Олег Борисович – могущественный властитель умов. От одного его кивка зависит, сколько дамских романов, сколько детективов, сколько книг по истории и домоводству окажется перед глазами читателей. Он решает, сколько людей должны трепетать в ожидании любви, сколько от ужаса, сколько – получать образование, сколько – готовить по рецепту домашние сырные палочки.

В то же самое время Олег Борисович – услужливый официант в трактире людских желаний. Он весь обращен в слух, он чутко вглядывается в толпы и пытается угадать, сколько людей хотят волноваться в ожидании любви, сколько – учиться, сколько – дрожать от страха, хихикать или разгадывать кроссворды.

Вероятно, именно от этого у Олега Борисовича такая улыбка – напряженная и услужливая одновременно. Кажется, улыбаться – самая трудная часть его работы. Только для самых важных, самых дорогих посетителей улыбка Олега Борисовича становится естественной, даже милой. Улыбаться мне Олегу Борисовичу нелегко. Он протягивает теплую чистую ладонь для рукопожатия, сдавленно здоровается и, прижавшись к стене, пробирается к своему кабинету. Там он сядет за огромный стол, вздохнет успокаиваясь и будет с наслаждением следить за снегопадом цифр на экране, прислушиваясь к тайным мыслям тысяч незримых покупателей.

4

Субботнее утро ликовало, одетое с иголочки солнцем и снегом. Мимо окон в сторону парка тянулись разноцветно укутанные дети и родители с ледянками, «ватрушками», санями. Восторженно лаял фокстерьер, звука не было слышно, но виднелись маленькие клубы веселого пара.

Позвонила Варвара и сбивчиво, хотя и легкомысленно спросила, не хочу ли я прогуляться с интересной спутницей по измайловскому блошиному рынку. Конечно, с радостью встречусь с тобой, отвечал я, только вот управлюсь с делами на скорую руку. За неделю квартира стала нежилой. Перед Варвариным приездом необходимо привести ее в порядок: сложить стопкой и убрать в шкаф постиранное белье, смыть с предметов семидневный ворс пыли, разобрать курганы книг. Кажется, Варе не нравится мой дом. Ничего, скоро он у меня так заблестит, что его можно будет полюбить за одну лишь опрятность.

Когда на воде в ведре вздрагивали мелкие круги, она позвонила еще раз.

– Я уже на вокзале. Может, отложишь свои козни и составишь компанию девушке? Тут солнце в фонарях.

Через час буду готов, сказал я, обещав сразу звонить.

– Девушке одной гулять среди купцов негоже. Ты идешь или я зову другого… м-м-м… компаньона?

Потом звонки шли один за другим, становясь все более напряженными. Компаньон нашелся со скоростью спичечной вспышки, на «блошке» ничего стоящего нет, и Варя едет в

гости к друзьям, раз я такой бесчувственный увалень. Слышно было, что она обижена и сделает все, чтобы я понял, как сильно просчитался.

5

По мере того как человек взрослеет, он обзаводится неуязвимостью, то есть нечувствительностью к острым краям жизни: к страху, к боли, к яркой радости. У этой неуязвимости полно преимуществ, но имеется и важный недостаток: от нее нельзя избавиться по собственному желанию. Панцирь становится корой, которая отгораживает внутреннее живое от всех будоражащих, пронзительных тонкостей. Чем крепче защита, чем толще и глуше стены, тем меньше жизни внутри. Видимо, пока я по-настоящему не повзрослел, потому что порой мечтаю о неуязвимости.

Варварин телефон перестал отвечать и откликнулся уже вечером. Голос плыл и позванивал от надменности. Она все еще в гостях, слушает музыку, пьет вино. Нет, она не знает, когда освободится. Наконец мы договорились встретиться на Воробьевых горах в восемь вечера. Почему-то мысль о запасном компаньоне и походе в загадочные гости на Чистых прудах меня не так уж расстраивала. Понятно, что этот компаньон появился (если вообще появился) в отместку мне. Если бы Варвара хотела провести время с ним, она бы позвонила ему первому. И все-таки было тревожно по-весеннему, пустоты непроизошедших событий, невыстреливших праздников катили подо льдом небес, как пузыри воздуха в хрустящих лужах.

Когда я вышел из дому, совсем стемнело. В дочерна сгустившейся синеве по-зимнему сияла пастушья звезда. Все ж бежать на свидание – один из лучших способов торопиться жить. Воздух свежел витаминами холода. Звук шагов казался начальными тактами мелодии, и чувствовалось, что вот-вот вступят другие инструменты.

Стеклянные стены моста открывали вид на воду. Пассажирское судоходство уже прекратилось, река выглядела пустынно и загадочно. Я приехал минут на пять раньше. Интересно, в чем Варвара будет сегодня?

Минут двадцать волнение оставалось приятным. Не выдержал, позвонил. Кривое трезвучие мертвой флейты. Наверное, сейчас она едет в тоннеле. Волнение росло, превращаясь в разных зверей – от тварей дрожащих до неукротимых хищников. А потом все кончилось, звери задохнулись. Прождав около часа, я поехал восвояси. Холод улиц был мой брат, сильный и безразличный.

Остаток вечера я провел, думая, как легко будет не думать о Варваре. Холод был весь я. В постель лег одиноким триумфатором с надменно раздувающимися ноздрями.

6

Утром все прошло. Жизнь затевалась с нуля, жаль только полы уже вымыты. Невозможно навести порядок в моей и без того идеально упорядоченной жизни. Хоть грязи с улицы натаскивай. Нет, я не ждал звонка, зачем мне какой-то звонок? Увидев, кто звонит, я пару секунд размышлял, брать ли трубку.

С минуту после первого «алло» шумело звуками неведомой улицы молчание. После пары птичье-кошачьих писков Варвара, заикаясь и путаясь, выговорила:

– Как дела, как… ох… Ты что-то сказал, пупсик?

Спросила, можно ли, удобно ли, черт!.. м-м-м, что если она приедет. «Зачем?» – спросил я чрезвычайно спокойным голосом. Снова писк и шумное безмолвие. Если барышня считает, что со мной, да и с кем бы то ни было, можно поступать подобным образом (я старался говорить мягко, не пуская в ход высокомерия), произошла досадная ошибка. Остается только пожелать

друг другу всего наилучшего. Поскольку в телефоне больше не раздавалось даже звериных или птичьих звуков, не то что вразумительной речи, я дал отбой.

Жизнь затевалась с нуля или топталась на нуле. Принципиальность, гордость, верность правилам – увы, все это больше не работало. Как теперь все будет?

Неожиданно в дверь позвонили.

В глазке-пузырьке выгибалась крошечная мутная Варя с непомерно крупной головой, повернутой в профиль. Открыв дверь, я увидел, что Варвара не одна. Рядом на четырех кривых ногах стояло маленькое деревянное создание, которое до этого, похоже, долго скиталось по городу, без дома, без родителей, без друзей, ночевало во дворах, давно утратив цвет юности, к слову сказать голубой, точнее выцветше-синий. Смятенные, сирые и бледные стояли передо мной Варвара и креслице, ожидая моего решения. Варвару я собирался пустить, а вот ее помоечного спутника предпочел бы оставить за дверью.

– Это тебе подарок, – сообщила Варвара, блуждая волчьим взглядом по потолку и стенам прихожей. – Правда великолепное?

Даже в скромной комнате кресло выглядело, как хитровский беспризорник в Георгиевском зале. Угрюмое и обиженное, всем видом оно демонстрировало пролетарскую непримиримость. Поблагодарив Варвару, я осторожно поинтересовался, откуда взялся голубой оборвыш. На этот вопрос ей отвечать не захотелось, и она сказала:

– Должны же у тебя наконец появляться приличные вещи.

– Почему ты не пришла вчера? Я прождал тебя битый час! Почему не позвонила? Трудно было предупредить?

Она пожала плечами, достала из сумочки какой-то флакон и, глубоко вдыхая, несколько раз прыснула из него в рот. Улыбнулась и сказала, что у нее астма. И что каждый раз, собираясь говорить со мной по телефону, она делает особую дыхательную гимнастику, чтобы не волноваться и не путать слова. Дальнейшие расспросы про вчерашний вечер сделались совершенно невозможны. На Варином лице теплились прилежание и просветление. Лицо кресла ничего похожего не выражало. Можно даже сказать, на четвероногом лица не было совсем.

Потом мы сидели на кухне. Очистив крупный плод грейпфрута, Варя задумчиво глядела на блестящую шкурку, мяла пальцами и вдруг сказала:

– Хорошо бы забраться под такую шкурку и там сидеть спокойно.

Вот она, формула Варвары Ярутич: семь дней в неделю быть несправедливой, отталкивающей, невыносимой, а на исходе седьмого дня сказать или сотворить что-нибудь такое, ради чего ты будешь терпеть следующие семь дней. Да что там дней.

Креслице глядело хмуро и не собиралось мириться ни с одним предметом обстановки. Всем своим видом оно говорило: выносите отсюда свои диваны, стулья и стеллажи. Они мне не ровня. Разрешаю поставить ободранный сундук, кривой поставец и орясину на балясинах. Подарок в наказание – такого я еще не получал.

Нервно посмеиваясь, я подошел к креслу, попытался в него сесть и понял, что спасен. Креслице предназначалось для детей, аскетов и балерин. Обычный человек вроде меня в нем не помещался. Через час четвероногое, вскарабкавшись на спину таксомоторного «рено», гордо проехало по Москве до самого вокзала, потащилось в электричку, а после в электричке вместе с Варварой Ярутич. Самой подходящей компанией, о какой только может мечтать крашеное обшарпанное креслице.

9

Было еще хорошее. Когда Варя жила в Вяхирях (а она жила там большую часть времени), на ночь мы обменивались пожеланиями. Желали друг другу сны. Иногда, повесив трубку, я

записывал эти пожелания в блокнот. Каким бы ни был день, в самом темном его углу ночником зажигались картинки наших пожеланий. Например, такие:

– Ты попадаешь за кулисы в какой-то маленький театр. И видишь фиолетовый занавес, за ним – задник, где вышиты звезды, луна, солнце, дальше – зеленая травяная кулиса, потом декорация, на которой изображен оазис в пустыне, потом ярко-красная кулиса, и еще много всего. А потом ты понимаешь, что это все настоящее, а никакие не тряпки.

– А тебе я желаю простую ширму белую посреди леса. А за ней фонарики. И пусть из-за ширмы маленькие детишки со звонкими голосами показывают тебе палочками и веточками сотворение мира.

Кто тут что сказал, по-моему, ясно. Варваре Ярутич хватает одной минуты, чтобы полностью переписать свой портрет – в любую сторону. И вот на одной такой волшебной пуговке держится тяжелая шуба нашей любви.

Мимикрия третья. Концерт в лесу

1

Всего одной минуты, пока я шел от такси к воротам ее дома в Вяхирях… Даже меньше минуты: за несколько шагов, за пару мгновений я понял, что в мире, где живет Варвара Ярутич, аналогии из моего мира отменяются. Ее несравненность означала не то, что она побеждает в любом сравнении-состязании, а то, что все сопоставления бесполезны и не нужны.

Итак, я вышел из такси и шагал по дороге. Слева лежало выстеленное снегом поле, поднимающееся там, за моей спиной, поближе к начинающему темнеть зимнему небу. Справа от дороги сгрудились ели, заслонявшие от взгляда высокие дачные ограды. А по дороге навстречу мне шла Варвара в своей черной шубе, в стрелецких сапогах, в платке, издали похожем на остывающий, синим подернутый пышущий уголь. Платок не обнимал, а как-то пышно драпировал ее голову. Варвара ступала по снегу и помахивала плеточкой красной кожи, словно вот-вот должны подвести коня в узорчатом чепраке под седлом, в богатой сбруе, и Варвара отправится на охоту то ли со мной, то ли на меня. Шла она размашисто, как обычно, и, еще не разглядев ее как следует, я подумал, что Варвара улыбается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.